

ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Стаття присвячена опису прагматичного потенціалу паремій-рогативів та визначенню механізмів формування оцінного сенсу у різних за функціональною направленістю питальних пареміологічних одиниць.

Ключові слова: паремія-рогатив, мовець, реципієнт, інтенціональне значення, цінність, оцінка, цінносна орієнтація.

В статтє описується прагматический потенциал паремий-рогативов и определяются механизмы формирования оценочных смыслов в различных по функциональной направленности вопросительных паремиологических единицах.

Ключевые слова: паремия-рогатив, говорящий, реципиент, интенциональное значение, ценность, оценка, ценностная ориентация.

The given article is about pragmatic potential of interrogative proverbs and mechanisms of value senses' formation in different functional types of interrogative proverbs.

Key words: interrogative proverb, speaker, recipient, intentional meaning, value, evaluation, value orientation.

Обращение к метасообщениям в процессе коммуникации характерно для носителей любых языков и культур. Если принять во внимание мнение О.С. Иссерс, которая считает, что коммуникация представляет собой стратегический процесс и его базисом является выбор оптимальных речевых ресурсов [1: 10], то главную причину обращения к косвенным речевым актам в практике обыденного общения следует усматривать в желании говорящего найти лучшую форму для реализации коммуникативной задачи. Правда, в этом случае остаётся открытым вопрос, учёт каких факторов позволяет ту или иную форму выражения мысли признать лучшей, кроме того, с чьих позиций – адресанта или адресата – должна определяться оптимальность этой формы. Очевидно, что как от создателя метасообщения, так и от его адресата требуется активизация креативных способностей, для того чтобы при использовании косвенных форм передачи информации в процессе общения коммуникация состоялась.

Одним из неисчерпаемых ресурсов косвенных сообщений в каждом языке является паремиологический фонд. Пословичный текст, как правило, иносказателен и потому квалифицируется как метатекст, косвенное речевое сообщение [2: 19]. Однако предмет нашего исследовательского интереса является не столько игра на внутренней форме вовлечённых в процесс продуцирования паремий лексических средств, сколько игра с собственно интенциональными значениями, которая обнаруживает себя при использовании синтаксических конструкций одной коммуникативной направленности в значении другой. Обратимся к вопросительным по форме паремиям с тем, чтобы выявить, как про-

являет себя в таких единицах аксиологическая оценка и в какой мере подобным паремиологическим единицам свойственна функция ценностного ориентирования. В качестве объекта исследования были избраны паремии двух близкородственных языков: русского и белорусского.

Наблюдения показали, что вопросительные паремиологические единицы как русского, так и белорусского паремиологических фондов представляют четыре общих функциональных типа: это паремии со значением эмоциональной реакции на негативные обстоятельства жизни; паремии осуждающей функциональной направленности; паремии рекомендательного характера; паремии, реализующие вспомогательные диалоговые функции.

Очевидно, что паремии со значением эмоциональной реакции на негативные обстоятельства жизни, а это прежде всего паремии-сетования, оценочны по своей сути, ведь смысл их употребления заключается в выражении негативных эмоций, вызванных отрицательной оценкой чьих-либо действий, событий или обстоятельств [3: 12]. Каким образом выражаются эти негативные эмоции в рогативных формах и как реципиент “распознаёт” в форме рогатива сетование?

Исследование паремий-сетований в содержательном плане убеждает нас в том, что к числу понятийных опор, позволяющих дешифровать скрытое в форме рогатива коммуникативное намерение говорящего, заключающееся в выражении негативного эмоционального отношения к факту, относятся инвариантные смыслы, своеобразные когнитивы (по терминологии Е.И. Ивановой [4: 97]), которые в самом обобщённом виде можно представить следующим образом: “X (было) свойственно обладание негативным”, “X свойственно обладание ущербным хорошим”, “X (было) свойственно переживание негативного”, “X свойственно отклонение от нормы”, “у X наблюдается (-лос) отсутствие жизненно необходимого”, “для X невозможно обладание искомым позитивным”. В аксиологической картине мира данные когнитивы соотносимы с ситуациями, представляющими негативный полюс, и реальность либо гипотетичность причастности говорящего, реципиента или третьего лица к таким ситуациям не меняет аксиологической значимости последних.

В паремиях-рогативах упомянутые выше когнитивы вербализуются либо в форме делиберативного вопроса – вопроса-размышления, не заключающего в себе ответа и не требующего его, либо в форме риторического вопроса, то есть вопроса, заключающего в себе ответ; а это означает, что выражаемое в подобных паремиях сомнение по поводу причастности кого-либо к негативу, реальности/гипотетичности наличия той или иной проблемы является лишь чисто внешним: *Бывала ль у тебя беда?* [5]; *Аль на нашу денежку прах пал?* [5]; *Или мой канун не отпет?* [5]; *Неужто я у бога телёнка украд?* [6]; *Разве моя душа лишняя на свете?* [5]; *Мило волку теля, да где ж его взять?* [5]; *Жыць то жыць, але як веку дажыць?* [7]; *Ці мая капейка шчарбатая?* [8]; *Што за вяселле, калі няма (ніякага) пахмелля?* [8]; *Нашто тья гузікі, калі полы адарваліся?* [8].

Примечательно, что в случае делиберативного вопроса типа *Видал ли ты беду? Терял ли ты жену?* [5] сетование может контаминироваться с упреком, так как говорящий намекает на то, что человеку, не являющемуся участником негативной ситуации, трудно понять глубину чужих чувств, связываемых с переживанием причастности к негативу.

Если вопрос риторический и содержит в себе отрицательный ответ, сетование может быть сопряжено с выражением досады по причине безысходности положения либо с оправданием как реакцией на упрёк: *Дети, дети, да куда ж мне вас дети?* [5]; *За что того любить, кто хочет сгубить?* [5]; *Что тому святому молиться, который не милует?* [5]; *Дзеці, дзеці, дзе вас падзеці: ці ваўкам аддаці, ці сабакам навыкідаці?* [7]; *Чаго б плакаў слеп, каб бачыў свет?* [9]; *Ці вочы ж драць, коли не хочучь нас браць?* [10] (в толковом словаре отмечается, что данная паремия используется как ответ на вопрос, почему девушка не выходит замуж, а также в тех случаях, когда кому-либо в чём-то отказывают [10: 113]). Однако если в риторическом вопросе о причастности кого-либо к негативу заключён утвердительный ответ и субъектами негативного состояния мыслятся многие (если не все): *Кто беды не бедовал?* [5] *Над кем лиха беда не встряхивалась?* [5]; *Грех да беда на кого (или: на ком) не живет?* [5], то такие рогативы в силу апелляции к “смягчающему” обстоятельству – беду переживают многие – служат выражению не сетования, а утешения.

Таким образом, сетования (исходящие от страждущего) направляют внимание адресата высказывания на зло, призывая к сопереживанию; а утешения (адресованные страждущему) ориентируют получателя информации в обратном направлении – “отвращают” от негатива, мотивируя необходимость отстранённости от переживаний закономерностью проявления зла.

Есть и такие вопросительные паремии, которые в зависимости от ситуации могут использоваться либо как утешения, либо как оправдания: *За глаза про кого не говорят?* [5]; *На кого приговор (оплох, расплох, промашка) не живет?* [5]; *Хто без памылкі век пражыве?* [11]. И в том и в другом случае, согласно мнению Г.Д. Сидорковой, аксиологическая модальность взаимодействует с алетической и деонтической. В результате этого взаимодействия в паремиях-оправданиях происходит нейтрализация, в паремиях-утешениях – деинтенсификация негативной оценки, являющейся мотивом развёртывания дискурса (см. об этом подробнее [3: 35]).

Форма вопроса, избираемая для выражения чувств, связываемых с переживанием негативных обстоятельств, представляется оптимальной как для передающей, так и для принимающей стороны. Такая форма передачи информации отдаляет зло от сетующего, так как проявлению зла придаётся характер гипотетичности, а реципиенту даёт право выбора (в силу тех же причин, а также в силу интравертности вопроса) совершения либо несовершения ответного коммуникативного хода.

Что же вызывает у человека чувство досады, заставляет его сокрушаться? Перечень антиценностных категорий, проявление которых побуждает человека, с одной стороны, искать сочувствия у других людей, с другой стороны, проявлять его, невелик (объясняется данное обстоятельство тем, что общее количество паремий-рогативов также невелико). Это горе, беда, нищета, одиночество, несчастная доля, несправедливость: *Кто горя не знавал?* [5]; *Не стало свечи, что же зажечи?* [5]; *На что мягко стлать, коли не с кем спать?* [5]; *Неужто вина моя не прощена?* [5]; *Дзе ж дзеца, як вяселле мінеца?* [7]; *Жаніўся б і сёння, але дзе жонка спаць будзе?* [9]; *Нашто той меч, калі няма чаго сеч?* [8]; *Дзе ж сіраце бацьку браць?* [7]; *Ці толькі свету, што ў акне?* [10]; *Што яму законы, калі суддзя знаёмы?*; *Усе дзяўчаты, як цяляты, дык адкуль жа злыя бабы?* [7].

Правомерно ли говорить по отношению к таким паремиям, что они ориентированы одновременно и на утверждение каких-либо ценностных категорий? Несомненно, это не является их основным назначением, однако осознание того, что есть ценность, вынуждает человека сетовать, утешать, оправдываться. Мотивом переживания негативных эмоций в данном случае является невозможность приобщения человека к искомой ценности.

Существенно отличаются как в плане ценностного ориентирования, так и в плане эмоциональной тональности от паремий-сетований, оправданий и утешений паремии-осуждения, облечённые в форму вопроса. Лень, пьянство, гульба, глупость, зазнайство и т.п., являющиеся предметом осуждения в таких паремиях, заставляют носителя негативных качеств воспринимать критику в свой адрес одновременно и как призыв к тому, чтобы корректировать своё поведение. Говорящий при этом рассчитывает на коммуникативную и аксиологическую компетентность реципиента, способного верно интерпретировать высказывание и понять, какое зло явилось причиной критики и какие категории мыслятся в качестве ценностных ориентиров: *На что прѣсть, коли готового страсть?* [5]; *С твоей ли рожей в собор к обедне?* [5]; *Я ващец, ты ващец, а кто ж хлеба пашец?* [5]; *Пьем, людей бьем; как не живем?* [5]; *Нашто ў клець іці на муку, калі торба вісіць на круку? У ёй і крупы дранныя, і кускі ламаныя* [12 (2)]; *Як гэта робіцца: ты пасья абеду вшыаў ды на сьнеданья хочыш прысьпець?* [10]; *Ці як адзін адрэзаў нос, дык і другія пойдучь рэзаць?* [10].

Осуждающие дискурсы в форме вопроса не однотипны с точки зрения ролевых характеристик, которыми наделяется лицо, формально осуществляющее запрос информации, и лицо, к которому обращаются с вопросом. Анализ компонентного состава позволяет различать как минимум три типа вопросов: 1) запрашивающий информацию – стороннее лицо, которое обращается к реципиенту, характеризуя его как носителя негативных качеств: *Поехали татары в тар-тарары – так за ними и ты?; Аль тебе в лесу лесу мало? Аль в людях людей нет?* [5]; *Никак голова у тебя не с того конца зарублена?* [5]; *Отец твой – чулок (онуча), мать – тряпница, а ты что за птица?* [5]; *Спадзяешся ў кумы пад'есці, а ці варыла табе кума есці?* [8]; *Адзін раз схлусіўшы, хто табе наверх?* [13]; 2) запрашивающий информацию намеренно отождествляет себя с носителем негативных качеств и, обращаясь к нему, говорит о нём от первого лица: *Я ли не молодец? У меня ли дети не воры?* [5]; *Пьем, людей бьем; как не живем?* [5]; *Як п'яна, што мне пан? а як прасплюся і свінні баюся;* 3) запрашивающий информацию обращается с вопросом к самому себе, неформально же адресуя этот вопрос носителю негативных качеств: *Шелудивого брить – не лучше ль опалить?* [5]; *Ленивому будень чем не праздник?* [5]; *Нашто козамі сена травіць?* [12 (1)]. В рогативах первого и третьего типа негативная оценка осуждаемого лица эксплицируется 1) посредством использования лексики с негативной оценочной коннотацией для обозначения данного лица либо для обозначения отчуждаемых / неотчуждаемых объектов, посессором которых выступает осуждаемое лицо; 2) посредством приписывания паралогичности характеру поведения в целом / отдельным действиям осуждаемого лица; 3) посредством выражения сомнения по поводу рациональности действий осуждаемого лица. В вопросах второго типа описание негативного поведения осуждаемого человека подаётся в форме похвалы; осуществляющий запрос информации притворно ставит под сомнение возможность негативной оценки того или

инного стереотипа поведения, иронизируя над аксиологической “некомпетентностью” осуждаемого лица.

По доминирующей эмоциональной тональности паремии-осуждения дифференцируются на 1) выражения остро осуждающего характера, в этом случае осуждение граничит с упрёком, порицанием: *А нешто знает собака пятницю?* [5]; *С твоей ли рожей в собор к обедне?* [5]; *Что ты ходишь да бобы разводишь?* [5]; *Расковырять, что ль, тебе уши-то. Давно, видно, оплеух не едал, так уши залегли?* [5]; *Стукни по голове молотом, не отзовется ль золотом?*[5]; *Адзін раз схлусіўшы, хто табе паверыць?*[13]; *Па чым пазнаць дурнога?* [7]; *А дзе ж тому малаку, калі колам па баку?* [7]; *Нашто замуж пытаеш, калі хаты не маеш?* [8]; 2) выражения, в которых осуждение смягчено шутливой, иронической тональностью и зачастую контаминировано с подтруниванием, потешанием: *Здравствуйте, мои рюмочки, здорово, стаканчики; каково поживали, меня поминали?* [5]; *Дядя горох, не видал ли ты моих коров?* [5]; *Что за лихо стало – от круп иль от сала?* [5]; *Что за уряд, чтоб отца, мать не унять?* [5]; *Что брови-то нависли: аль я тебе не по мысли?* [5]; *Дядюшка Онисим, где твоя Онисья?* [5]; *Нашто мне каня? Сам буду саху насіць* [8]; *Ой, ці бачыш, Мікалаю, як я жыта падсяваю?* [8]; *Чаму ж не памылўся ды не сханіўся за гарачае жалеза?* [11]; *А чаго субоце раней за пятницю быць?* [8]; *Ці не базата два баравічкі ў капусту?* [8]. Сопоставляя те и другие паремии-осуждения, мы сталкиваемся с двумя принципиально различными подходами в решении вопроса об оптимальности избираемой речевой формы, двумя принципиально различными коммуникативными тактиками осуществления стратегической задачи, связываемой с ценностным ориентированием: одни паремии отражают коммуникативную тактику “кнута” в отношении к реципиенту, другие – щадящего “пряника”, правда, с горькой начинкой.

Менее конфликтны по отношению к реципиенту информации вопросительные паремии рекомендательной функциональной направленности. Как правило, они содержат в своём составе глагольную лексику (реже отглагольное существительное), обозначающее то действие, к совершению которого призывает говорящий. Призыв может быть оформлен в конструкциях с безлично-предикативными формами “не пора ли ...”/ “не лучше ли ...”, в этом случае рекомендуемое действие представляется как альтернативное тому, которое обозначено в первой части структуры и от которого рекомендуется отказаться: *Полно браниться, не пора ль помириться (подраться)?* [5]; *Чем все завтракать, так не пора ли пообедать?* [5]; *Чем старый серп зубрить, не лучше ли новый купить?* [5]. Призыв может носить запретительный характер, однако при этом вопросительной интонацией окрашивается вторая структурная часть, в которой раскрывается мотив рекомендации: *Полно врать, где тебе Куракина знать?* [5]. Призыв может быть заключён в констативе целесообразности / нецелесообразности совершения того или иного действия, который мыслится как ответ на риторический вопрос: *Доброе молчанье чем не ответ?* [5] (= доброе молчанье – ответ); *Что прошло – помянуть на что?* [5] (= незачем, не нужно вспоминать...); *На что за тем гоняться, кто не хочет знатья?* [5] *На что на того сердиться, кто нас не боится?* [5] *Што даўнейшае ўспамінаць?* [11].

Возможны и другие варианты выражения рекомендации в форме вопроса, так, например, в белорусском языке отмечаются конструкции с начальным *ці*, вводящим наи-

менованіе предположительно не совершённого либо предположительно совершаемого действия, практическая значимость которого так или иначе мотивирует скрытый совет: *Ці вас поле насеіна?* (“Так, – пишет А.Аксамитов в толковом словаре белорусских пословиц и поговорок, поясняя назначение данной паремии, – уговаривают своих близких не ссориться, относится друг к другу с уважением и заботой” [10: 113]); *Ці ты кніш, ці ты дарогі пытайш?* (это выражение адресуют тому, кто начинает хитрый двусмысленный разговор [10: 114]); *Ці як адзін адрэзаў нос, дык і другія пойдуць рэзаць?* (паремия используется для урезонивания тех, кто слепо перенимает что-либо, обезьянничает [10: 293]).

Весьма эпизодично в русском и белорусском паремиологических фондах представлены рогативы, служащие выражению удовлетворения положением дел в ситуациях, которые на самом деле, скорее, оставят человека неудовлетворённым: *Лучина с верою чем не свеча?* [5]; *Хлеб-соль е: чаго яйчэ трэба?* [11]. Такие паремии тоже носят регулятивный характер. Они рекомендуют довольствоваться малым, ценить то, что есть, и ненавязчиво утверждают те незыблемые основы жизни, которые наполняют её смыслом.

Несомненно, паремии-рогативы рекомендательного характера являются выражениями с позитивно значимой прагматической установкой, их регулятивная направленность зиждется на признании ценностными таких категорий, как мир, согласие, терпение, рациональность.

Рогатив может быть использован и с целью предупреждения, и даже угрозы: *Теперь так, да после-то как?* [5]; *Ярко лучина горела, да где она?* [5]; *Ловит волк, а как волка-то поймут?* [5]; *Говори смело: отчего спина засвербела?* [5]; *А не хочешь ли прочитать, что у меня на голицах написано?* [5]; *Ці ты тыкі відзеў? – Відзеў* [10]. Их рекомендательный характер связывается с призывом отказаться от той или иной модели поведения, правда, зачастую само порицаемое действие, от которого рекомендуется отказаться, обозначается метафорически либо вообще не обозначается, представляя план ситуативных значений.

Вопросительным паремиям могут быть свойственны и собственно диалоговые функции, заключающиеся в инициации и поддержании контакта. Паремии-рогативы могут использоваться как реплики запроса информации и в том числе как этикетные формы запроса информации, связанные с приветствием: *Что исхудал? Сам лежал, аль над болью сидел?* [5]; *Как живете, можете, поживаете?* [5]; *Как вас господь бог милует?* [5]; *Каково вас господь перевертывает?* [5]; *Якім цябе ветрам прынясло сюды?* [7]. Запрос информации может сопровождаться выражением сочувствия, шуточного отношения к тому или иному факту, а может характеризоваться и негативным коннотативным планом в случае, когда сопрягается с выражением осуждения, угрозы, урезонивания и т.п.: *Откуда ты явился такой красивый?* [6]; *Что остробучился, ровно черт на попа?* [5]; *Что зубы оцерил? Аль железо увидел?* [5]; *Какая блоха (муха) тебя укусила?* [6]; *Чаго ты на мяне ўз’еўся бы сабака?* [11]; *Што ты белмы вытаращчыў?* [11]; *Устаў з левае нагі, ці што?* [11]; *Куды гэта ты накіраваў лыжы?* [11].

Среди вопросительных паремий есть и такие, которые представляют собой шуточные обращения к партнёру по общению и не подразумевают ответной реплики в силу того, что являются своеобразными маркёрами стереотипных реакций на тот или факт: *Что за*

шум, а драки нет? [5]; *Извозчик, что возьмешь на сажень кверху?* [5]; *Ці чуў, кум, сонца, ці бачыў гром?* [10]. Юмористическая тональность таких вопросительных паремий является свидетельством оптимистического восприятия мира теми, кто употребляет их в своей речи, и не позволяет квалифицировать подобные выражения как аксиологические нули.

Паремии-рогативы могут функционировать и как ответные реплики. И в этом случае так или иначе проявляет себя аксиологическая модальность. Есть ответные реплики позитивной коммуникативной направленности: *На добром слове кому не спасибо? Доброе словечко в жемчуге* [5]; *Свои люди, сочтемся. Что за счеты между друзьями?* [5]. Им противопоставлены реплики-парирования, целью которых является деvaluация высказывания собеседника: *Что кому за дело, что кума с кумом (что девка с парнем) сидела?* [5]; *Что кому за дело до чужого деда (до чужого тела)?* [5]; *А что мне не выпить – или детей у меня мало, или мало кому должен?* [6]; *Ты сударь, и я сударь, а кто же присударивать станет?* [5]; *Што каму да тога, што маю каня худога?* [7]; *Каб усе былі разумныя, то хто ж быў бы дурны?* [8]; *А маладзья пад касцёлам ні сідзяць?* (так отвечают тем, кто неуважительно отказывается пригласить пожилых людей на работу или на какое-нибудь заседание [10: 12]); *Ты наша, а я ваша, – а хто ж нам хлеба напаша?* (говорит малоимущий человек малоимущему, когда тот обращается к нему за помощью [10: 99]); *Ці ў мяне коз воз, ці дзяцей загарадка?* (ответ гуляки на упрёк в расточительстве [10: 114]). Парирования в вопросительной форме могут носить и шуточный характер, как правило, такого рода коммуникативные единицы отмечаются в составе устойчивых диалогических единств: *Мама, есці! – Акуль прышлі весці?* (так шутит мать, когда дети просят есть [10: 58]); *Спасіба. – Спасіба богу і мне, а хазяіцы не?* [12 (2)].

Таким образом, практически все функциональные типы вопросительных паремий-логических единиц имеют отношение к выражению оценки. Оценка является своеобразным аргументом в речевых актах сетования, утешения, оправдания, осуждения, рекомендации, в какой бы форме косвенного сообщения они ни воплощались. И даже те паремии-рогативы, которые реализуют вспомогательные диалоговые функции, характеризуются положительной либо отрицательной эмоционально-экспрессивной тональностью.

Формированию оценочных смыслов в вопросительных паремиях служат как собственно языковые средства, так и понятийные константы, связанные с представлениями человека о положении вещей в аксиологической картине мира.

Каждый функциональный тип вопросительных паремий в той или иной мере служит осуществлению ценностного ориентирования. Оптимальность вопросительной формы для осуществления ценностного ориентирования связывается с ненавязчивостью ретрансляции знания о ценностях, установкой на игру с интенциональными значениями, креативностью, интенсифицирующей действенность высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс – М.: Эдиториал, 2002. – 284 с.
2. Аверина С.Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Аверина Светлана Николаевна. – Краснодар, 2005. – 159 с.
3. Сидоркова Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: автореф. дис. ... докт. филол. наук: спец. “Теория языка” 10.02.19 / Г.Д. Сидоркова. – Краснодар, 2010. – 42 с.
4. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. – 280 с.
5. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.
6. Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа. // Объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – М.: “Сюита”, 1996. – 544 с.
7. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / скл. Яўген Рапановіч. – Мн.: Вышэйшая школа, 1974. – 384 с.
8. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / скл. Ф. Янкоўскі. – Мн.: Беларуская навука, 2004. – 494 с.
9. Рабкевич, В. Паслухай, што людзі кажучь: Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, прыкметы, жарты / В. Рабкевич. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1985. – 270 с.
10. Аксамітаў, А. Прыказкі і прымаўкі: тлумач. слоўн. бел. прыказак і прымавак з арх., кафедр. збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. / Анатоль Аксамітаў. – 2-е выд., дапрац. – Мн.: Бел. навука, 2002. – 320 с.
11. Касько, У.А. Палескі дзівасіл: Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скрабніцы А. К. Сержпутоўкага / У.А. Касько. – Мн.: Выш.шк., 2005. – 383 с.
12. Прыказкі і прымаўкі / скл. М.Я. Грынблат, рэд. А.С. Фядосік: ў 2 кн. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976.
13. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак. / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч М.А. – Мн.: Беларуская навука, 2002. – 511 с.